

АЛЕКСАНДР
РАЙН

ТЯГОТЫ
ДОМОХОЗЯЙСТВА

Александр Райн

Тяготы домохозяйства

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67823327

Аннотация

Нужно навести чистоту в доме? Расправиться с пылью и помыть дно холодильника? Убрать трудновыводимые пятна с одежды или с собственной кармы? А что, если вам необходимо переставить по фен-шую дом? И на всё это катастрофически не хватает времени? Тогда вам срочно нужна помощь квалифицированной домработницы. Ольга Прокофьевна Набекрень сеет порядок и уют налево и направо, даже если вы её об этом не просили.

Перед вами настоящий бытовой блокбастер, который уже покорила сердца тысяч читателей Рунета и стал настоящим текстовым сериалом!

Кроме Ольги Прокофьевны Набекрень, вы также познакомитесь с массой неподражаемых героев из Вселенной "Тягот домохозяйства", которые научат вас раскрашивать серые будни и заставят смеяться до колик.

Содержание

Тяготы домохозяйства	4
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Райн

Тяготы домохозяйства

Тяготы домохозяйства

Катя и Паша искали домработницу очень долго. У Паши были свои требования: ответственная, пунктуальная, воспитанная, опрятная, внимательная, умеющая вкусно готовить, без вредных привычек. Он придирался ко всему, с кандидатами был суров, без конца демонстрировал власть и гонор. Тридцать процентов претенденток даже не переступали порога их дома: если Паша сомневался хоть в одном пункте, он закрывал дверь прямо перед их носом.

У Кати требований было меньше, но они были жёстче: желательно старая, желательно страшная и уважающая её женский авторитет. Она отсеивала всех, на ком взгляд Паши задерживался больше трёх секунд. Денег у молодых людей было более чем достаточно, а вот времени совсем ни на что не хватало. Поэтому они решили найти себе помощницу с постоянным проживанием у них дома и были готовы очень хорошо ей платить.

Только вот никто им не подходил. Руки у молодых бизнесменов опускались. Им казалось, что проще сменить город, чем найти здесь настоящего профессионала. Они уже соби-

рались покупать виллу в соседней области, когда к ним в дом постучалась госпожа Набекрень.

Паша открыл дверь и тут же был отодвинут в сторону, не успев сказать и слова. Сначала в дом вошло два чемодана размером с рояль каждый. Затем вошла сама Набекрень, которая была размером с орган и звучала так же громко и тяжело, как его самые басовые регистры. С женщины потоками стекала вода, так как на улице шёл ливень. На полу быстро собралось целое озеро.

Первым делом, даже не поздоровавшись, Набекрень спросила:

– Где у вас ведро?

Паша хотел было что-то возразить, но Набекрень уже достала откуда-то огромную швабру и мощными крутящими движениями, от которых, казалось, земля способна начать вращаться в другую сторону, собрала всю воду, а заодно вымыла пол во всей прихожей, не сходя с коврика.

– Ведро! – скомандовала Набекрень, и Паша, то ли испуганный, то ли загипнотизированный этим великолепным мытьём полов, тут же принёс ведро.

Женщина начала выжимать тряпку. Треск раздался такой, словно падал вековой дуб – даже соседские собаки перестали лаять, а ведро наполнилось до краёв. Затем она точно так же выжала свой плащ.

– Где я могу расположиться? – спросила женщина, глядя на Пашу.

– М-м-мы вас ещё не приняли, – немного дёргано ответил тот, и сам не заметил, как вжал голову в плечи.

– Хм. Что от меня требуется? – совершенно спокойно спросила Набекрень.

– Н-н-ну, – голос у Паши дрожал, он забыл, как нужно проводить собеседования. – Для начала ваше резюме, – наконец вспомнилось ему.

– Что вас интересует? – прогудела Набекрень.

При этом она осматривала свои новые трудовые владения, подмечая пыль под двухметровыми шкафами во всю стену и предстоящее усиление слабого межэтажного перекрытия.

Хозяин наконец справился с дрожью в голосе:

– Опыт работы, рекомендательные письма, ваше образование.

– Я воспитала восемь собственных детей. Двое из них стали подполковниками в двадцать пять лет. Трое защитили докторские по математике, физике и химии на первом курсе института. Две дочери – мастера спорта международного класса по единоборствам, а младшенькая у меня играет на тубе в оркестре. Есть рекомендательное письмо из Суворовского училища – я работала там завхозом, а в качестве подработки выпустила три курса кадетов. Десять лет вела уборку на космодромах, чистила ракеты и оттирала от нагара взлётные площадки. Про судостроение рассказывать? – Набекрень сурово поглядела на Пашу, и тот невольно сглотнул, а затем помотал головой.

– Нужно спросить у жены, – выдал он и побежал за супругой на работу прямо в тапочках под проливным дождём, не вызывая такси.

Набекрень не стала тратить время и приступила к своим обязанностям, ещё даже не узнав – каким. Первым делом она зашла в ванную комнату и забрала корзину с бельём на кухню. Там она достала из своего чемодана таз и специальную стиральную смесь, изготовленную по собственному рецепту, и начала кипятить.

– Ты просто пойми, она нам не подходит, совершенно! – наседали в такси Паша на свою жену, когда они ехали домой.

– А что же ты её не выгнал? Она сейчас что – одна в нашем доме?

– Да. Она не похожа на воровку, совсем. Но, я думаю, что лучше будет тебе её выгнать, ну, вам, женщинам, между собой проще договориться, а мне как-то неудобно, я же джентльмен, – лебезил Павел перед супругой.

По дороге они заехали в школу и забрали своего сына Платона, тихого необщительного скромника, который плохо учился, ни к чему не стремился, был ленив и ничем не замотивирован по жизни – в общем, полная противоположность своим родителям.

Когда все трое зашли в дом, их встретил запах совершенно непривычной еды, а ещё – зеркально-чистые полы.

Паша хотел было уже шагнуть на паркет, но в кухонном проёме появилось лицо Набекрень, которая одним взглядом

заставила всю семью разуться и сложить свои ботинки на обувную полочку.

– Это она? – спросила шёпотом жена, когда Набекрень исчезла за дверью.

Паша молча кивнул.

– А вроде бы ничего, – поджала губы жена и зашагала на кухню.

– Добрый вечер, как я могу к вам обращаться? – поздоровалась Катя с Набекрень, которая в этот момент голыми руками сняла горячий таз с плиты и поволокла его в ванную.

– Ольга Прокофьевна. Добрый вечер, – поклонилась Набекрень.

– Ольга, – обратилась хозяйка к женщине уже в ванной, когда та начала выжимать руками бельё, источающее горячий пар.

– Прокофьевна, – поправила её Набекрень. – Фамилия – Набекрень.

– Ольга Прокофьевна, – немного раздражено, но смиренно продолжила Катя, – скажите, а вы ознакомились с нашими условиями?

– Есть условия? – подняла одну бровь Ольга Прокофьевна, и вся ванна немного исказилась вместе с ней.

– Ну да. Небольшие. Например, вы должны соблюдать наши требования, а их немало.

– Слушаю вас, – не прекращая выжимать бельё, сказала домработница.

– Например, все ваши действия должны быть согласованы с нами. Я вижу, вы самостоятельно решили постирать бельё, используя какие-то консервативные методы, у нас для этого имеется стираль...

Катя не закончила, потому что Набекрень развернула белую рубашку её мужа и начала её вывешивать на сушилку.

– Как вы это сделали? – ошарашенно смотрела на неё Катя.

– Что сделала?

– Как вы отстирали рубашку мужа от зелёнки? Я собиралась её выбрасывать – он вылил на себя целый пузырёк. В химчистке нам сказали, что пятно уже не отстирать. А рубашка очень дорогая.

– У них просто нет ракетного топлива, которое я добавляю в своё средство. К тому же при кипячении мои ингредиенты убивают абсолютно все лишние запахи, – спокойно ответила Ольга Прокофьевна и продолжила развешивать идеально чистое бельё.

– Ещё какие-то требования будут?

– Что? Требования? – находясь в лёгком ступоре, переспросила Катя. – Ах да, требования. Вы должны готовить то, что мы попросим вас. Я, например, сижу на особой авокадной диете, а мой муж очень разборчив в еде. Он ест стейки из мраморной говядины, дальневосточных крабов, только фермерскую зелень и яйца. Он не станет питаться чем попало, как и мой сын.

Тогда Ольга Прокофьевна предложила пройти на кухню. Там женщины застали Пашу, который хлебал половником щи прямо из кастрюли.

– А ну! – рявкнула Набекрень. – Чтобы я больше такого не видела! Разве можно есть из общей кастрюли?! Сядьте, я вам налью! – скомандовала она, и Паша тут же отпрыгнул от плиты и уселся за стол.

– Паша, ты чего это? – стыдливо спросила Катя, глядя на мужа, чьё лицо лоснилось от жира.

– Это какое-то зелье, я не мог оторваться! Решил попробовать ложечку и пропал. У меня память отшибло, я не мог остановиться! – оправдывался он.

– Это не зелье – это капуста, которую я сама квасила. – Сказав это, Набекрень вытащила из чемодана пять трёхлитровых банок капусты.

– Садитесь, Катенька, вы же после работы, голодная! И сына пригласите за стол, – пробасила домохозяйка.

– Валерьевна, – пропищала негромко Катя.

– Что? – повернулась к ней Ольга Прокофьевна, наливая порцию щей.

– Ничего-ничего, просто вечером я ем только авокадо.

– Авокадо так авокадо, – пожала плечами Набекрень.

Достав из холодильника зелёный плод, она прямо с косточкой нарезала его на дольки.

Затем она открыла крышку небольшой кастрюльки, и кухню быстро заполнил аромат котлет. Он был таким сильным,

что Павел снова впал в транс и потянулся к еде руками, но Ольга Прокофьевна треснула по ним и велела сначала съесть щи, в которые накрошила целую гору укропа. Вместе с кастрюлей она пошла на второй этаж, к Платону.

Обычно мальчик ел только у себя в комнате. Но сегодня он пришёл ужинать на кухню, тащась, словно загипнотизированный, за домработницей с котлетами в руках. Когда мальчик зашёл, он увидел, как его родители молотят ложками щи, а их лица блестят от жира в свете ламп.

Нетронутый авокадо лежал в стороне. Ольга Прокофьевна торжественно водрузила тарелку с котлетами на стол, и всё семейство стыдливо, но с жаром набросилось на них.

После ужина Ольга Прокофьевна поставила чайник и оставила хозяев наедине, а сама пошла в комнату к их сыну, где попросила его показать ей школьный дневник.

– Слушай, ты был прав, она нам не подходит, – шептала Катя мужу, пока тот раскуривал сигару.

– Да, совершенно не подходит, – согласился он. – Давай прогоним. После завтрака.

– Почему после завтрака?

– Ну... Поздно уже, некультурно как-то.

– Да, ты прав, прав...

Набекрень тем временем читала Платону вслух роман Жюль Верна, предварительно лишив мальчика всех гаджетов. Парень слушал, сначала боясь сопротивляться, затем уже с интересом.

Когда она спустилась вниз, чтобы налить всем чаю, родители уже сидели в гостиной и разговаривали о бизнесе. Паша открыл бутылку виски и налил себе бокал, другой рукой он держал сигару, которую так и не смог раскурить.

– Вот, – поднесла ему кружку чая Ольга Прокофьевна.

– Спасибо, я перед сном пью виски – мне так проще заснуть, а то, знаете ли, бизнес, дела, бессонница, – пафосно сказал он.

– Виски? Пф-ф, я вам в чай плеснула своего бальзама, ваш виски – молозиво по сравнению с ним.

– Правда? Хм. Сомневаюсь что-то. Это – чистая Шотландия, десять тысяч за бутылку! – тряс он бокалом.

– А это – алтайские травы, я сама собирала, попробуйте. А я пока вашу сигару раскурю.

Паша умоляюще взглянул на жену, но та лишь беспомощно пожала плечами. Мужчина сделал глоток, затем второй, третий.

Ольга Прокофьевна при помощи одной спички и своих могучих лёгких раскурила сигару в один затяг, а потом пробубнила что-то про то, что это какая-то фигня – не то что были уставные в Баренцевом море.

Паша тем временем допил чай. Глаза его блестели, лицо было красным и довольным, как после бани.

– Слушайте, а можно добавки? – спросил он заплетающимся языком у Набекрень.

– Не стóит. Думаю, вам лучше прилечь. Да и вы, Катя, то-

же отдохните после работы. Я вам уже расстелила. Завтра обсудим ваши требования. – Органный бас Набекрень звучал убаюкивающе, и оба супруга невольно зевнули.

Перед сном домработница зашла к Платону и проследила за тем, чтобы тот самостоятельно прочёл вторую главу.

Сама она легла спать в гостевой спальне на полу. Кровать с ортопедическим матрасом женщина перенесла в другую комнату, туда же был отправлен телевизор. Вместо него она бесшумно перетащила в комнату книжный шкаф и перед сном «проглотила» небольшой томик одного из классиков.

* * *

Паша проснулся, как обычно, раньше всех – в половине шестого. С утра он уходил на пробежку, затем принимал душ, пил кофе и ел одно яйцо всмятку. Мужчина улыбнулся, увидев торчащие из гостевой комнаты ноги и услышав сопение Набекрень, от которого слегка колыхалась межкомнатная перегородка. Когда он вернётся, завтрак не будет готов, а это прекрасный повод для увольнения.

Но, зайдя на кухню, мужчина испытал легкий шок. Яйца уже варились в кастрюле, кофе был перемолот вручную (Набекрень не нашла кофемолку), а в тостер были заряжены два куска белого хлеба.

– Вам хлеб маслом намазать? – раздалось над ухом так внезапно, что Паша отскочил в сторону.

Ольга Прокофьевна стояла позади, держа в руках брусок сливочного масла.

Отдышавшись, Паша спросил первое, что пришло в голову:

– Натуральное?

– Только взбила.

Он кивнул и ушёл на пробежку, не желая узнавать, как именно она это сделала.

Следующей проснулась Катя. Её план по увольнению был более изящным. Она собиралась придраться к Набекрень по поводу уборки. В этом доме Катя знала каждый уголок, куда не пролезет ни одна швабра – там-то Прокофьевна и погорит. Когда она зашла на кухню, домработница как раз занималась уборкой: оттирала заднюю стенку встроенного духового шкафа и мыла днище холодильника. Катя огорчённо вздохнула – теперь люстры на потолке и плинтуса за телевизионной тумбой казались ей самыми доступными местами.

– Сок? – спросила лаконично Ольга Прокофьевна.

– Свежевыжатый.

– У вас фруктов нет. Есть только кокосы и авокадо.

Катя пожалала плечами (мол, не моя проблема) и пошла умываться.

Через полчаса вернулся Павел. Он бросил форму в корзину с бельём и тут же шмыгнул в душ.

Платон, как всегда, игнорировал будильник и не вставал. Проигнорировать Ольгу Прокофьевну было сложнее. Когда

она scomандовала из кухни: «Пора собираться в школу!», проснулись жители четырёх улиц, а директор школы внезапно вернулся из отпуска, который проводил в Турции.

– Ты какой сок будешь: кокосовый или авокадный? – спросила Набекрень у мальчика, когда тот подошёл к столу, и пододвинула ему два наполненных до краёв стакана.

Не успело семейство рассестся за столом, как каждый уткнулся в свой мобильник.

– А почему у меня Wi-Fi не работает? – спросил Паша.

– Я отключила роутер на время завтрака. Пицца должна нормально усваиваться, а телефоны – прямой путь к завороту кишок и плохому аппетиту, – ответила Ольга Прокофьевна и протянула мужчине стакан авокадного сока.

– Я сам решаю, что мне делать в своём доме, – огрызнулся Паша, вышел из-за стола и включил роутер.

Волны Wi-Fi поплыли по воздуху, но разбились о суровый взгляд Набекрень, (который, кажется, их видел), точно о скалы.

– Вот об этом я и говорю! – восстала Катя. – Вы не подчиняетесь нашим правилам! Да и законам физики, походу, тоже.

– Разве моя задача не делать вашу жизнь комфортнее, здоровье – лучше, а дом – уютнее?

– Да! Но вы перегибаете палку! Нам нужен интернет! Сейчас! Это важно! – кричала женщина, у которой не загружалась страница в Instagram.

– Может я лезу не в своё дело, но, по-моему, вам нужно пообщаться с сыном. Вчера мы с ним начали читать Жюль Верна. Не хотите узнать его мнение о книге? Или это не так важно?

Лица родителей покраснели.

– Сынок, как тебе книжка? – спросил внезапно успокоившийся отец.

– Она... очень... интересная... – промямлил мальчуган, – про остров. Ты читал?

Отец виновато улыбнулся и помотал головой.

– Ольга Прокофьевна сказала, что знает все книги, которые любят ребята в моём возрасте. Я бы хотел их прочесть.

– Хорошо, сынок, – сказал сквозь зубы отец.

Победа в этом раунде осталась за Набекрень.

* * *

– Нет, ну ты видела, хитрая какая, выставила нас плохими родителями перед сыном, – шептал Паша жене после завтрака, когда они прятались от вездесущей Набекрень в гардеробе.

– Я кое-что придумала. Сегодня дам ей столько задач, что она сама сбежит.

– Серьёзно? Пока мы с ней спорили, она успела погладить мой костюм, шторы и два комплекта постельного белья. Чем ты собираешься её озадачить?

– Увидишь.

В этот момент гардероб начал заполняться каким-то едким белым дымом.

– Господи, что это?! – заверещала Катя.

Паша попытался толкнуть дверцы, но те остались на месте, а внутрь начали входить гвозди.

– О господи! Помогите, убивают! Платон! Ольга Прокофьевна! – рыдала Катя. – Задыхаемся!

После этих слов дверцы были сняты вместе с петлями, и перед молодыми людьми возникло лицо домработницы.

– Так это вы тут прячетесь? А я думала, что у вас мошь какая-то дикая, на иностранных шубах вскормленная. Решила её своим фирменным газовым коктейлем оглушить.

Паша и Катя вывалились наружу, громко кашляя.

– Не переживайте. Для людей это не опасно, наоборот, прочищает бронхи, – успокаивала их Набекрень и, втянув ноздрями дым, кинула в гардероб ещё пару коктейлей – на всякий случай.

– Я на тебя надеюсь, – сказал Паша, глядя, как Прокофьевна вытаскивает зубами гвозди из дверей и при этом ещё напевает: «Та-ти-да-та, Та-ти-да-та».

– Ольга Прокофьевна, – обратилась к ней откашлявшаяся Катя, – если хотите у нас работать, у вас должны быть права.

– А, В, С, D, E, – начала перечислять женщина, – вертолёт, катер, фронтальный погрузчик.

– У нас Audi на автомате. Есть список дел, которые нужно

сделать. Советую записать, повторять не стану. И всё нужно делать в том порядке, в котором я буду говорить. Всё понятно?

Набекрень кивнула, и Катю прорвало:

– Нужно съездить на шиномонтаж и переобуть резину, через час нужно забрать мою Пусечку из ветеринарной клиники, затем забрать посылку на почте, приготовить ужин, постирать вещи.

Записывать было некуда, и после каждого нового задания Набекрень загибала зубья на граблях, которые достала из-за спины.

А Катя продолжала:

– Сходить на родительское собрание Платона, собрать листву перед домом, вызвать сантехника, чтобы прочистил слив на втором этаже, и переставить всю мебель в доме по фен-шую. Когда мы придём с работы, я бы хотела принять горячую ванну. Есть вопросы?

– Да. Где у вас домкрат?

– Вы что, собираетесь самостоятельно менять резину?

– Да. Я никогда не ездила на автомате.

* * *

В десять часов, в самый разгар совещания, у Кати зазвонил телефон.

– Алло, кто это? – раздражённо спросила девушка.

– Это Ольга Прокофьевна, – голос домработницы и без включённой громкой связи слышал весь совет директоров.

– Это наша новая домработница, – нервно улыбаясь, сказала Катя, прикрыв динамик пальцем, но даже это не смогло заглушить тяжёлый командирский бас.

– Катенька, у вас тут одно колесо почти лысое, дошиповку сделать?

Мужчины, из которых состоял почти весь совет директоров, удивлённо переглянулись.

– Делайте, – буркнула Катя.

Она хотела было сбросить вызов, но Набекрень снова подала голос, от которого затрещал динамик:

– А задний левый диск нужно править. Мне самой заняться или отнести колесо в шиномонтаж?

Катя готова была провалиться на месте, а по кабинету разлетелись лёгкие смешки и перешёптывания.

– Кто это там над Екатериной Валерьевной смеется?! – загремел телефон так, что в кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь звуком подёргивающихся кадыков.

Катя облегченно выдохнула.

– Делайте как считаете нужным, – ответила она и, услышав в динамике звук выпрямляющегося железа, сбросила вызов.

Покончив с колёсами, Набекрень отправилась за некой Пусечкой, которую лечил от собачьей депрессии частный ветеринар.

По городу женщина передвигалась исключительно пешком: во-первых, это полезно для вестибулярного аппарата, а во-вторых, с широким шагом Ольги Прокофьевны не смог бы конкурировать ни один общественный транспорт со всеми этими пробками.

* * *

В приёмной ветеринара стоял жуткий шум: лай, чириканье и даже лошадиное ржание. Собравшиеся здесь звери истерили. Если бы не поводки и клетки, они бы с радостью разорвали друг друга. Когда на пороге появилась Ольга Прокофьевна и громко выдала: «Цыц!», наступило внезапное взаимопонимание между всеми животными, которому позавидовал бы сам Ной, приглашая тварей на ковчег. А у двоих бульдогов прошёл запор, с которым их сюда привели.

Девушка-администратор уже потянулась к тревожной кнопке, когда увидела неминуемо надвигающийся на её маленький островок-ресепшн живой эсминец в виде Набекрень.

– Где мне найти Пусечку? – поинтересовалась совершенно спокойно Ольга Прокофьевна.

– Она у психотерапевта, – облегчённо выдала девушка и указала на дверь.

В кабинете Набекрень застала той-пуделя, лежащего на шёлковой подушке рядом с нетронутой миской дорогого со-

бачьего корма. Рядом с ней крутился маленький усатый врач, который уговаривал собачку поесть.

– Пусечка? – обратилась Набекрень к собачьему мозгоправу.

Тот нервно замотал головой.

– Леопольд Валентинович, – прошептал он.

– Да я про собаку.

– Ах да, это – Пуся, – показал врач на меланхоличное создание.

– Я её забираю.

– Нет-нет, что вы! – запротестовал врач. – Нельзя! Она весь день ничего не ела. – Он поджал губы, словно извиняясь за то, что до сих пор не достиг результата. – Вот если вы оплатите ещё сутки... Уверен, я смогу добиться прогресса!

Ольга Прокофьевна отодвинула стоявшего на пути врача одним мизинцем и подошла к собаке:

– Ешь и пошли, – сказала она таким гипнотическим голосом, что не только собака приступила к обеду, но и сам врач машинально потянулся к столу, где у него лежали собачьи консервы.

Поводка у Ольги Прокофьевны не было, Пусечка замечательно умещалась в кармане её плаща. Там собаке было тепло, сухо и пахло фаршем.

* * *

На почте Набекрень отказывались выдавать посылку без оригинальной подписи получателя. Женщина уважала представителей рабочего класса и, как её ни провоцировали на конфликт оператор и директор почтового отделения, она была холодна и максимально вежлива – как удав перед своей жертвой. Когда ситуация, казалось, уже зашла в тупик, а план Кати активно претворялся в жизнь, Ольга Прокофьева достала свой главный козырь.

Небольшой свёрток из фольги лёг между оператором и Набекрень. Когда женщины по ту сторону перегородки начали оповещать о том, что уже вызывают полицию, Прокофьева быстро развернула фольгу, которая скрывала пластиковый контейнер. Когда она открыла крышку, раздался ароматный взрыв. Горячие котлеты, из которых буквально сочился сок, вызвали эффект массового поражения. Из строя вышли все три оператора и одна представительница банка. Подписи были поставлены самой директрисой, а посылка выдана в течении десяти секунд.

Набекрень разогнула ещё один зуб на граблях.

* * *

Ольга Прокофьевна никак не могла взять в толк, почему ужин должен быть приготовлен перед родительским собранием – всё же остынет. Да и школа Платона находилась в тридцати шагах от почты, а хозяйский дом – в другом конце города. Она не знала о коварстве Кати, которая хотела таким образом её вымотать.

Шаг пришлось ускорять. Ольга Прокофьевна набрала определённую скорость и держала её до самого дома, словно шла на круиз-контроле. По пути она зашла в гипермаркет и, не останавливаясь, закупила все необходимые продукты. С ужином проблем не возникло. А вот стирка вывела Набекрень из равновесия. Форма, в которой с утра Паша уходил на пробежку, была чиста и совершенно не пахла потом – прямо как в старой рекламе.

В голову домохозяйки закрались печальные мысли, которые она решила не ворошить до поры до времени.

* * *

На собрание Набекрень пришла минута в минуту. Родители уже сидели за партами по двое, как школьники. Ольге Прокофьевне с её комплекцией был выделен подоконник.

Учительница рассказывала о предстоящих контрольных работах, творческом развитии учеников и больших планах на будущий учебный год. Все эти темы мало отличались друг от друга – везде речь шла о новых финансовых сборах.

Каждый раз, когда учительница называла новую кругленькую сумму, в классе раздавалось грустное поскуливание. Когда женщина начала перечислять имена отстающих учеников и речь зашла о Платоне, из кармана Набекрень послышалось грозное рычание.

– Ольга Прокофьевна, вы не могли бы утихомирить свой плащ?! – не выдержала педагог.

– Прошу прощения, просто ему не нравится, что вы называете Платона лодырем. Уверяю, к мальчику просто нужно найти подход!

Карман довольно гавкнул.

– Мы не можем искать подход к каждому ученику отдельно!

– Ерунда какая-то! – недовольно забурчала Набекрень. – И что? Ребенку расти изгоем? Без милости учителей? Что ж, мне всё понятно. Я сама найду к нему подход! А надо будет – и ко всему вашему классу найду!

Карман уже вовсю лаял. Но, как только Прокофьевна кинула туда котлету, он сразу замолчал. После этого женщина забрала ожидающего в соседнем классе Платона, посадила его на плечи и поспешила домой – заканчивать выполнение поручений хозяйки.

Вечером Катя и Паша торопились домой. Они встретились после работы и вместе заскочили в магазин за бутылкой шампанского, чтобы отпраздновать провал Набекрень.

– Знаешь, а она мне даже начала нравиться, – сказала вдруг Катя в такси. – Ты бы видел, как заткнулись все эти мужланы, когда она на них рявкнула по телефону. Представляю, что было бы, если бы Набекрень пообщалась вживую с нашим поставщиком, который уже три месяца затягивает поставку материалов и смеётся мне в лицо, не стесняясь.

– Да уж. Представляю. Но ты же сама понимаешь, что она нам не подходит. Никакого контроля за ней, сплошное самоуправство. А её еда? Это же кошмар! Я весь день страдал из-за этих щей и котлет! Обежал все столовки, но так и не нашёл ничего похожего – сплошная вода и соя! Меня реально ломает! А эти её нравоучения! Мне сорок лет, я достиг всего, а она кто? Домработница! И еще смеет меня учить чему-то!

– Знаешь, я тут вбила её данные в интернет...

– Так-так, что-то грязное нарыла?

– Нет. Лишь небольшую статью о ней из прошлого столетия. В ней говорится, что она шла по подозрению как двойной агент во время Карибского кризиса. Что-то связанное с ядерным оружием – я не вдавалась в подробности.

– Хм. Вот об этом я и говорю. Нам нужно что-то попроще.

Студентку какую-нибудь...

– Хрена с два тебе, а не студентку, понял?

Они не заметили, как подъехали к своему дому, потому что он больше не походил на тот, который они покидали утром. Со всех сторон коттедж окружала тяжёлая техника в виде автрокранов, чьи стрелы были направлены на крышу.

– Что происходит?! – вылетела из такси Катя.

Набекрень стояла на самой высокой точке здания и руководила процессом:

– Майна! – перекрикивала женщина рёв огромных моторов и гидравлические установки.

Дом висел в воздухе и... разворачивался.

– Мама! Мама! Смотри, я наш дом поднял! – кричал из кабины крановщика довольный Платон.

– Ты что там делаешь?! А ну, живо слезай! – кричала шокированная Катя.

– Не переживай, мне дядя дал немного порулить, Ольга Прокофьевна договорилась!

– О господи, Паша, я этого не вынесу, – изображала обморок Катя.

Наконец дом развернулся на сто восемьдесят градусов и встал на фундамент. Когда вся техника разъехалась, Прокофьевна спустилась с крыши и подошла к хозяевам.

– Всё. Теперь у вас полный Фэн-шуй, – вытерла она руки о передник.

– Что вы наделали?! – орал, срывая горло Паша.

– От того, где будет расположена спальня в доме, во многом зависит влияние положительной энергии «ци», – прочитала вслух Набекрень строчку из руководства по ФЭн-шуй, которое вынула из кармана. – Теперь в доме будет гармония и уют. И листва теперь находится сзади дома. Если хотите, я уберу её завтра, а сейчас мне нужно подогреть ванну для Катеньки. Так как коммуникации обратно ещё не подключили, я должна натаскать воды от соседей. Ужин готов, я буду через пять минут и подогрею его на спиртовых таблетках.

Она загнула последний зуб на граблях, а потом выпрямила их все в обратную сторону.

К Кате подбежал её той-пудель и радостно залаял, зовя в дом.

– Смотри, твоя Пусечка выздоровела! – закричал Паша и, подняв собаку на руки, начал её целовать.

– Ты же терпеть не любишь мою собаку, – словно в трансе произнесла Катя.

– А теперь люблю, – не прекращал поцелуй Паша.

От собаки очень сильно пахло котлетами.

Кое-как выхватив Пусю из цепких рук мужа, Катя на ходу устроила семейный совет.

– Я её сейчас уволю, прямо сейчас! Не смейте меня останавливать! – верещала девушка, поднимаясь по ступенькам задней террасы, которая, к слову, больше не скрипела: Набекрень, между делом, притянула отошедшие доски саморезами и прошлась по дереву свежим слоем масла.

– Думаю, что после разворота в доме творится бардак, наверняка вся техника и посуда вдребезги, она нам ещё должна останется! – поддерживал сзади Паша. – Я найму юристов!

К великому разочарованию хозяев всё осталось на своих местах, даже солонка на столе по-прежнему стояла вертикально, не потеряв ни одной крупинки соли.

– Плевать! Всё равно уволю! – не унималась Катя.

В дом лёгким летним ветерком влетела Набекрень. Она бесшумно, точно ниндзя, бежала, неся в обеих руках наполненные до краёв вёдра с водой. Буквально взлетев на второй этаж, она не проронила ни капли, словно сдавала древний воинский экзамен, и вышла через окно второго этажа, чтобы не попасться семейству с пустыми вёдрами – Прокофьевна была суеверна. Катя попыталась ей что-то крикнуть вдогонку, но не успела.

Пока хозяйка поднималась по узкой лестнице на второй этаж, Набекрень пробежала мимо неё ещё дважды, даже не задев. Катя снова пыталась её окрикнуть и снова не успела.

Когда девушка зашла в ванную комнату, она была удивлена и смущена одновременно. Вся комната была уставлена горящими свечами, в ванну со всех сторон, точно удочки, были опущены десятки погружных кипятильников, а косы проводов от них уходили в приоткрытое окно.

Наконец Набекрень вылила последнее ведро воды и остановила свой ход.

– Что это такое?! – указала Катя на кипятильники и свечи.

– Электричество подключат только с утра. Я попросила у соседей немного взаймы, – указала она на кипятильники.

– У меня к вам серьёзный разговор! – прорычала Катя.

– Прошу, – Набекрень в этот момент была сама любезность. – Сначала вам стоит принять ванну, я должна закончить назначенные вами с утра поручения. А позже дадите новые.

Катя хотела было возразить, но сама не заметила, как Ольга Прокофьевна погрузила её в горячую воду, которая была нагрета соседским электричеством.

Набекрень достала из кармана бутылочку бальзама и налила Кате в напёрсток. Девушка хотела отказаться, но от запаха трав начала выделяться слюна, и она отпила. Ещё сто грамм алтайской смеси было вылито в ванну.

– Универсальное средство. Расслабляет тело и дух, а заодно пробивает засоры, – пояснила Набекрень.

Паша и Платон всё это время стояли на кухне и молча, точно загипнотизированные, смотрели на подогревающийся ужин.

Через полчаса вниз спустилась Катя. Девушка выглядела отдохнувшей и спокойной, как плывущий по реке воин, что проиграл войну, но обрёл дзен. Вся кухня точно так же горела расставленными свечами, а на столе стояла ваза с розами.

– Откуда цветы? – удивилась Катя.

– Павел вам купил, – ответила Набекрень и сурово взглянула на Павла.

– Да-да, – неуклюже подыграл хозяин, – это тебе, дорогая.

Ольга Прокофьевна открыла шампанское, которое было куплено в честь её увольнения, и разлила по бокалам. Затем она достала из чемодана аккордеон и, сев в тёмный угол, заиграла что-то из французской классики.

Увольнение было снова перенесено на завтра.

* * *

– Вот это да. Я никогда ещё так не высыпалась, – потянулась Катя в кровати. – Похоже, что перестановка дома и правда была отличной идеей. Я чувствую себя очень хорошо. А ты? – спросила она у мужа, который собирался на пробежку.

– Да, согласен, я спал как убитый.

– Знаешь, я думаю, что нам стоит её оставить, – сказала Катя.

– Возможно, ты права. Но я бы заключил с ней официальный договор. Укажем в нём все наши требования и обязанности сторон – на всякий случай.

С этими словами Паша покинул спальню и спустился вниз, где его ждал небольшой сюрприз в виде сына, который был одет по-спортивному.

– Куда-то собрался? – спросил Паша у Платона.

– Да, – ответила за мальчика Набекрень. – Я тут подумала, что Платон совсем не занимается спортом. Мальчик слаб и

неповоротлив – и это при таком-то спортивном отце!

Паша как-то резко изменился в лице: сначала покраснел, затем позеленел, а потом сказал:

– Знаете, ему лучше начать с зарядки. Боюсь, что он за мной просто не успеет, да и дистанции немаленькие. Я же не первый год бегаю, маршрут постоянно увеличивается. Когда он выдохнется, мне придётся вести его домой, а я должен пробежать весь круг.

– Ничего страшного, – махнула рукой Набекрень. – Я побегу с вами, а как только Платоша устанет, я его заберу домой.

– Но...

– Какие могут быть возражения? Вы же – настоящий пример! Гордость сына! Вы его ориентир! – сыпала похвалами Набекрень, и Паша был вынужден согласиться, тем более, что сын выглядел заинтересованным.

Все трое вышли на улицу, где ещё горели ночные фонари. Возле дома стояла машина такси, которая кого-то ждала. Паша почему-то посмотрел на неё с грустью, затем издал что-то вроде всхлипа и побежал. Сзади за ним бежал сын, а замыкала колонну Ольга Прокофьевна, которая проводила таксиста таким злобным взглядом, что тот сорвался с места с пробуксовкой и по дороге снёс соседский мусорный бак.

Через пять минут был сделан первый привал.

– Ну вы что, Павел, я только-только набрала скорость! – запротестовала Набекрень.

– Я... я... – задыхался мужчина, уперев руки в колени, – я за сына переживаю, он же... он... на ногах еле стоит, не успевает за мной! – обливался потом заботливый «спортсмен».

Платон выглядел озадаченным, он чувствовал себя прекрасно, но с отцом спорить не стал.

– Не переживайте, можете уходить в отрыв, мы вас не будем задерживать, – сказала Набекрень, которая в эту минуту делала разминку и выполняла бег с высоким подниманием бедра на месте.

Тронулись. Паша бежал, прихрамывая, словно больная лошадь, пахло от него примерно так же. Платон держал дистанцию и выглядел пусть и подуставшим, но не сдавался. Набекрень перешла с бега на быстрый шаг и периодически зевала, причём так сильно, что люди в проезжающих мимо автобусах вместе с водителем хором повторяли за ней.

Ещё через пять минут Платон с отцом поменялись лидерством, через три минуты Пашу уже скрывала могучая спина Ольги Прокофьевны. А спустя сто метров запланированный круг превратился в отрезок.

– Думаю, на сегодня хватит, – простонал Паша, завалившись на скамейку и еле сдерживая рвотные позывы. – Первый раз лучше не перегружаться, а то всё желание бегать пропадёт, если уже не пропало.

Он посмотрел с надеждой на сына, но тот лишь помотал головой.

Назад шли пешком. Набекрень обсуждала с Платоном

Жюля Верна и домашнее задание по математике, которое мальчик не понял, а Паша плёлся сзади и разговаривал по телефону, объясняя кому-то, что утреннее совещание придётся перенести на вечер.

* * *

За завтраком Катя попросила Ольгу Прокофьевну сопровождать её сегодня на встрече с поставщиками, на что та охотно согласилась, лишь попросив разрешение взять с собой крючок для вязания и несколько клубков.

Семейство разъехалось по своим делам.

Офис Кати находился на двадцать первом этаже бизнес-центра, его окна выходили на центральный проспект. Набекрень мыла стёкла со стороны проспекта в тот момент, когда Катя пригласила совет директоров и поставщика к себе в кабинет, чтобы сдвинуть с места то, что не сдвигалось уже несколько месяцев.

Завидев тучную женщину, спокойно разгуливающую с вёдрами по карнизу, мужчины запаниковали, но Катя попросила их не обращать внимания и спокойно говорить о делах, а сама подала Ольге Прокофьевне кружку кофе, которую та выпила снаружи, спокойно покуривая при этом и наслаждаясь видами города.

Начались переговоры. Юристы Кати давили на юристов поставщика, который пропустил все сроки.

В кабинете поднимался шум, внутри людских черепов поднималось давление, Ольга Прокофьевна снаружи подняла ручку закрытого окна и вошла внутрь. Наступила тишина. Её нарушил поставщик. Он начал затяжную философскую речь, которую никто не должен был прерывать.

Набекрень в это время встала рядом со своей начальницей, достала крючок и начала вязать.

– Мы вам ничего не должны. Ваши проблемы – это ваши проблемы. У нас сломалось оборудование, мы имеем полное право продлевать сроки поставок хоть на год, прочтите договор, – пафосно бухтел мужчина с модной бородкой, одетый в чёрный костюм.

Когда он закончил, Ольга Прокофьевна тоже закончила. Она продемонстрировала бывшему оратору и всем остальным элегантную петлю, которую связала из шерсти, а затем заботливо накинула одному из его юристов на шею, сказав, что может связать такие шарфики хоть всей их конторе.

В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь симфонией кишечных спазмов, которые разом случились у всей бригады поставщика.

– Екатерина Валерьевна, – обратилась Набекрень к начальнице, – разрешите мне взять выходной. Я бы хотела сходить на экскурсию на производство к вашему поставщику – давно не выходила в люди. Заодно проверю оборудование.

Катя кивнула.

– В этом нет необходимости, – дрожащим голосом произ-

нёс бородатый. – Думаю, что в ближайший месяц всё будет налажено.

Ольга Прокофьевна взяла со стола карандаш и заточила его в зубах, затем подошла к календарю и попросила назвать точную дату, чтобы ей спланировать свой выходной.

– В понедельник будет готово, – ответил мужчина и спешно покинул офис вместе со всей своей командой.

В кабинете раздались бурные аплодисменты, а Набекрень попросила всех немедленно выйти вон и больше не топтаться здесь. Она взяла тряпки, собираясь отмыть кабинет, но перед этим вышла на карниз покурить.

Катя рассыпалась в благодарностях перед Ольгой Прокофьевной и обещала, что даст ей выходной в любой день, когда та попросит. Весь офис был накормлен позитивом и обедом, который Ольга Прокофьевна принесла с собой в двух баулах.

Но счастье длилось недолго. Через час после обеда позвонил директор школы, в которой учился Платон и сказал, что мальчик участвовал в драке и ему грозит отчисление.

– Надо позвонить Паше! – запаниковала Катя.

– Я разберусь, – остановила её Набекрень. – Мальчику нужен настоящий мужской разговор.

* * *

Директор школы был человеком очень воспитанным и

интеллигентным. Когда Ольга Прокофьевна пришла к нему в кабинет и предложила перед началом разговора чаю, он, естественно, согласился. Набекрень ловко выудила из рукава двухлитровый термос, из внутреннего кармана достала фарфоровые кружки и наполнила их душистым горячим напитком.

– Присаживайтесь, – предложила она ему.

Заложив руки за спину, она начала расхаживать по кабинету, то и дело поправляя пальцем неровно висящие картины, выставляя в одну линию кубки и подсыпая корм в клетку попугая.

Директор от неожиданности присел на гостевой стул, а когда вспомнил о том, что нужно бы сесть в своё кресло, там уже сидела Ольга Прокофьевна и перекладывала его бумаги в алфавитном порядке.

– Слушаю вас, – обратилась Набекрень к мужчине и отпила из кружки.

– Видите ли, Платон – отстающий ученик. Он абсолютно не целеустремленный, ленивый, безынициативный. Мы готовы терпеть лентяев и двоечников, но сегодня он стал участником драки! Даже хуже – он её начал!

– Ну вот, а вы говорите «безынициативный»!

Директор замялся, но потом продолжил:

– Нужно что-то решать!

– Согласна! – сказала Набекрень и так грохнула ладонью по столу, что директор подскочил вместе со стулом.

– Видите ли... – мямлил мужчина, – обычно мы решаем все дела с его отцом...

– А вы представьте, что его отец – я. Двадцать третьего февраля мне дарят подарки чаще, чем восьмого марта.

– Дело не в этом, – ёрзал на стуле директор. – Обычно его отец оставлял для школы некоторое пожертвование, и мы с учителями закрывали глаза...

– Тогда я помогу вам их открыть.

– Что вы предлагаете?

– Мне нужно подумать...

– Хорошо, – улыбнулся директор.

– В одиночестве, – посмотрела на него исподлобья Набекрень.

– Ах да, прошу прощения, – мужчина откланялся и вышел из кабинета.

Директор сидел в приемной рядом с секретарём около часа, пока не послышался храп, который вызвал тряску – шесть баллов по шкале Рихтера.

Мужчина полчаса осторожно стучался в свою дверь, пока Ольга Прокофьевна не проснулась и не разрешила ему войти.

– Я сделаю пожертвование, – сказала наконец Набекрень. На её лбу отпечатался целый атлас, на котором она уснула.

– Прекрасно! – расцвёл директор и протянул ладонь.

Набекрень положила в неё связку книг – коллекционное издание всех томов «Войны и мира», которое своим весом

буквально пришилило мужчину к полу.

– Остальную часть своей библиотеки я пришлю в течение недели. Пожертвование щедрое, но ради детей я готова пойти на любые жертвы.

С этими словами она вышла из кабинета и закрыла его на ключ, оставив ошеломлённого директора внутри.

У самой лестницы Ольгу Прокофьевну догнал отец побитого ребенка.

– Ещё раз ваш щенок тронет моего сына, я ему уши наде-ру, – ткнул пальцем в грудь Набекрень папаша, который был весьма высок и плечист.

Идея с ушами понравилась женщине. Именно так, за ухо, она и тащила мужчину на четвёртый этаж, а потом ещё ходила по кабинетам, разыскивая школьного психолога, у которого собрались участники драки. Психолог, молодая выпускница педагогического университета, уже два часа при помощи проективной методики пыталась выяснить обстоятельства случившегося и найти корень проблемы.

Ольга Прокофьевна, зайдя в кабинет, молча вытащила из штанов армейский ремень и, хлестнув бляхой, точно хлыстом, расширила кабинет на тридцать сантиметров, сместив одну из перегородок. У всех присутствующих резко зачесался зад и прорезалась речь. Даже психолог и отец одноклассника Платона сознались в нескольких грехах.

Оказалось, что над Платоном издевались одноклассники только за то, что мальчик был нелюдим и молчалив. Он долго

терпел, но сегодня была затронута тема родителей – святая для любого ребёнка. В ответ на оскорбления чести матери Платон выбил зуб обидчику книжкой Жюль Верна, которую теперь везде таскал с собой.

– Вот видите! Он дрался нечестно, бил Жюлем Верном! – пропищал мужчина, чьё ухо до сих пор было зажато между пальцами Набекрень.

– Скажите спасибо, что я не дала ему Толкина! – сказала Набекрень.

– Да как вы смеете! – закричал отец.

– Это не методы! – завопила психолог.

– Он меня ещё за руку укусил! – орал побитый одноклассник.

– Значит так! – рывкнула Набекрень и щелкнула ремнём в воздухе, чудом не пробив в пространстве чёрную дыру.

Вокруг стало так тихо, словно внезапно образовался вакуум.

– Отныне вы лучшие друзья! – сказала она, глядя на двух мальчишек.

Отец одноклассника хотел было воспротивиться, но Набекрень чуть сильнее сжала пальцы, и тот окончательно сдался, слегка взвизгнув.

– Защищаете друг друга и помогаете во всём. А если я узнаю, что кто-то кого-то предал, я... – она щелкнула ремнём в последний раз, и тектонические плиты земли немного сдвинулись.

Все были согласны с доводами, особенно психолог. Она даже попросила Ольгу Прокофьевну подарить ей ремень – на случай сложных ситуаций в будущем.

* * *

Дома Набекрень застала крутившегося у зеркала Пашу. Мужчина благоухал хорошим парфюмом, он чистил зубы и делал укладку. Завидев домработницу, он так сильно занервничал, что ему пришлось выжать на себя ещё половину баллончика дезодоранта и сменить трусы.

– А вы разве не у Кати на работе? – спросил Паша заплетаящимся языком.

– Там я уже навела порядок. Теперь вот думаю помочь вам, вы же на службу собираетесь?

– Да-да, на неё. Спасибо, но мне ваша помощь не требуется, займитесь лучше...

Он посмотрел на своё отражение в зеркально чистых полах, затем зашёл в сверкающую ванную, где не было ни одного жёлтого пятна, обошёл все убранные комнаты и открыл забитый до отказа холодильник.

– Сделайте мне кофе, сегодня мне понадобится много энергии – встречаюсь с инвестором, – фальшиво улыбнулся Паша.

Набекрень откланялась и отправилась на кухню варить кофе, а Паша в этот момент прошмыгнул на улицу, где его

уже ждало такси.

Машина отвезла его в другой конец города. Расплатившись, Паша вышел из авто и подошёл к двери большого трёхэтажного дома с колоннами, из окон которого лилась романтическая музыка и пахло развратными перспективами.

Он нажал на кнопку звонка, и из глубины дома послышалось звонкое женское: «Уже иду!»

Паша проверил дыхание, поправил галстук, пригладил волосы пятернёй и тут услышал позади себя голос, от которого его дезодорант снова потерял всё своё действие, а трусы потребовали очередной замены:

– Ваш кофе.

Паша не хотел оборачиваться. Он думал, вернее, он надеялся, что это ему показалось, что он просто уже привык к голосу Набекрень, и что на самом деле никого сзади нет, но голос прозвучал снова:

– Пейте осторожно, он ещё горячий.

Паша обернулся и дрожащими руками принял кружку из рук Ольги Прокофьевны. Он поднёс её ко рту, вибрирующий фарфор бил по передним зубам, а кофе больно обжигал язык и грудь, на которую выливался.

– Я там звербойчика добавила, для бодрости, – расплылась в улыбке Ольга Прокофьевна. – Нравится?

Паша кивнул. В этот момент сзади него распахнулась дверь. В проёме стояла полуобнаженная девица лет двадцати.

– Дорогой! А ты чего так рано? Я ждала тебя через полчаса, – обратилась девушка к спине Павла.

Тот, не оборачиваясь, ответил:

– Извините, я, кажется, ошибся домом.

– Что ты такое говоришь!

– Он же сказал – ошибся домом, что не ясно? – спросила Ольга Прокофьевна, которую девушка сначала приняла за мусоровоз.

– Извините, – испугалась девица и тотчас захлопнула дверь.

– Вас подвезти? – спросила Набекрень у Павла.

– Вы на машине? – еле слышно спросил мужчина.

– Нет, я на своих двоих, но не переживайте, хожу я быстро.

– Тогда, если можно, к дому. Инвестор, кажется, заболел, раз дал мне не тот адрес. – Мужчина был бледен, как луна, которая уже вышла на небосклон.

– Легко! К тому же ваша жена уже дома, она будет рада, что вы рано закончили. А ещё вы сможете отоспаться и набраться сил перед завтрашней пробежкой! – искренне улыбнулась Ольга Прокофьевна.

– Угу, – кивнул Паша и тут же был взят под мышку.

По пути домой он твёрдо решил избавиться от своей новой домработницы, которая уже стала проблемой всей его жизни.

Всю ночь Паша не мог сомкнуть глаз. Зверобой Набекрень зарядил такой бодростью, что веки выворачивались наружу, а сердцебиение подкидывало над кроватью. Мир вокруг буквально остановился. Минуты превратились в годы. Муха, которая летала по комнате, бесила своей медлительностью: Паша полночи бегал за ней и подгонял тапком.

Он ждал, выбивая зубами барабанную дробь, пока зазвонит будильник и, не дотерпев последнюю минуту, разбудил жену.

– Я тут договор подготовил, – положил он на кровать три килограмма макулатуры, исписанные мелким почерком.

– Когда ты успел столько написать? – удивилась Катя, листая страницы.

– Не спалось.

Паша сгрыз все свои ногти и уже хотел было приступить к ногтям супруги, но вовремя опомнился.

Катя оценила красиво оформленный титульный лист, пробежалась по оглавлению, состоящему из трёх листов, оценила цифру «2000», которая соответствовала количеству выдвигаемых домработнице условий, и посмотрела в горящие ожиданием глаза мужа.

– Ты бы так у себя на работе старался.

– Подпиши внизу. А ещё – мой экземпляр и Набекрень, –

он кинул на кровать ещё две стопки явно не ксерокопированных листов.

– Ты сдурел? Я не буду это подписывать! Она остаётся безо всяких условий.

– Ещё вчера ты угрожала любому, кто помешает тебе её уволить.

– Вчера, благодаря её крючку для вязания, я уволила целый отдел юристов, которые в месяц сжирали годовой бюджет местной радиостанции. Повторяю, она остаётся.

– Она опасна!

– И чем же?

– Она... она... – Паша замялся.

Снизу послышался голос Набекрень:

– Павел, мы вас ждём на пробежку! Если поторопитесь, успеем заскочить на спортплощадку!

Мужчина всхлипнул и упал на колени перед женой.

– Умоляю, давай её уволим, – взмолился он.

– Нет. Давай беги, а то на спортплощадку не успеешь.

– А если я докажу, что она опасна, ты подпишешь договор?

– Да. Но тебе придётся постараться. Сегодня, кстати, к нам на ужин придёт наш новый заказчик с женой. Они оба любят мясо, и мы устроим шашлыки на заднем, точнее, – она вспомнила про перестановку дома, – на переднем дворе. Будь дома в шесть, не опаздывай.

Паша кивнул и начал спускаться вниз.

– А после брусьев папа научит тебя делать выход силой, – донёсся до него голос Набекрень, которая разговаривала с Платоном.

От этих слов у Паши вдруг резко понизилось давление. Нога подвернулась, хрустнула, тело резко подалось вперёд. Паше было больно, но он не был расстроен. Наоборот, мужчина летел с лестницы, испытывая благодарность и счастье, принимая удары ступеней как поглаживания судьбы. Когда он достиг пола и распластался на нём, из глаз полились слёзы, но это были слёзы счастья.

– Папа! – вскрикнул Платон. – Тебе больно?

– Очень, – искренне ответил Паша, улыбаясь. – Кажется, я сломал ногу.

Набекрень преодолела расстояние от прихожей до лестницы в один шаг, хотя их разделяла гостиная.

– Не двигайтесь! – скомандовала женщина и схватила Пашу за ногу.

– Ничего страшного, всего лишь плоскостопие.

Она слегка надавила, и Паша взвизгнул. Плоскостопие было вылечено.

– Это не та нога, – плакал «исцелённый» Павел.

– Прошу прощения, зато теперь можно в армию, – отшутилась Набекрень и нежно взяла другую ногу.

– Мне нужно в больницу, – пыхтел мужчина, – на рентген.

– У меня глаз как рентген. Это всего лишь вывих, позвольте, я вправлю, пока не опухло, – сказала Набекрень уже

после того, как провела операцию в походных условиях.

Павел был в срочном порядке госпитализирован на диван. Там ему наложили холодный, как сердце Арктики, компресс, который Набекрень достала из чемодана, а в руки вложили чашку горячего чая с бальзамом – для поддержания баланса температуры в теле.

На шум спустилась Катя.

– Что случилось?

– Я травмировался... Теперь придётся весь день, а может, и неделю провести дома, восстанавливаться, – словно на смертном одре выл Паша.

– А кто отвезёт Платона в школу?

– За мной Лёшка с папой заедут, – успокоил мать Платон и рассказал о своём новом друге, принудительно приобретённом вчера в кабинете психолога.

* * *

После пробежки и завтрака за Платоном действительно заехали. Катя отправилась на работу, а Ольга Прокофьевна пошла за стройматериалами для возведения беседки во дворе.

Убедившись в своём полном одиночестве, Павел поднялся с дивана и хотел было захромать в комнату Набекрень, но в этом не было смысла – нога не болела. А после избавления от плоскостопия он почувствовал, как шаг стал легче.

Он собирался порыться в личных вещах домработницы, найти компрометирующие доказательства: наркотики, которые она добавляет в щи, оружие, поддельные документы, да хоть накладные усы и бороду – если это поможет надавить на Катю. Мужчина в семейных трусах чувствовал себя настоящим Шерлоком Холмсом.

Дверь в гостевую комнату отсутствовала, вместо неё вход преграждал сделанный на заказ, специально под габариты Набекрень, аккордеон. Его меха были разжаты и занимали собой весь полутораметровый в ширину проём. Перепрыгнуть инструмент тоже не представлялось возможным.

«Шерлок Холмс» кряхтел, потел и плакал, но как ни старался, так и не смог сыграть ни одной ноты. Крепость была неприступна. Паша уже было решил сдаться, но увидел беспризорный чемодан Прокофьевны, который заманчиво блеснул простыми хромированными защёлками, освещая таким образом половину комнаты.

Замка не было. Мужчина потянул за механизмы, но те не поддавались. Тогда он упёрся в чемодан ногой и потянул изо всех сил. Раздался глухой щелчок. У Паши вышли суставы из указательных пальцев обеих рук. Это утро было крайне травматичным. От злости он пнул чемодан, который даже не шелохнулся, зато нога испытала такую жуткую боль, словно столкнулась с бетонным блоком, а внутри чемодана что-то булькнуло.

Паша вспомнил, что в гараже есть лом. Вчера Набекрень

выбивала им ковры и ругалась, что в магазинах больше нет нормального инструмента для уборки, а её выбивалка сломана. Мужчина и лом были в одной весовой категории. Паша вспомнил, как Набекрень держала железку в одной руке, и его стало подташнивать.

Кое-как вставив прут в замок, он повис на нём и начал пружинить. Пару раз достигнув головой потолка, Паша услышал заветный щелчок. Калёный конец лома лопнул, а оставшая его часть придавила мужчину своим холодным бесчувственным телом.

Сдаваться было стыдно, но необходимо. Долго копаясь в своей записной книжке, Паша обнаружил номер одного частного детектива, который не раз помогал его фирме банкротить своих конкурентов десять лет назад. Мужчина смог бы найти грязь под ногтями королевы Великобритании, если клиент готов платить.

Детектив по фамилии Кац долго зевал в трубку и просил Павла перестать пудрить ему мозг. Для человека с его послужным списком подобные предложения казались оскорблением. Но Паша был настойчив и сразу перевёл аванс. После этого детектив пообещал, что разложит на атомы домохозяйку ещё до ужина. Он приехал через час, немного возбужденный, и первым делом попросил бокал виски.

Паша дал ему свой остывший чай с бальзамом, а сам сел в кресло.

– Ух... Забористый у вас чаёк, – прохрипел Кац. – Пред-

ставляешь, еду сейчас к вам, а по дороге идёт женщина и на тележке тащит за собой целый куб досок.

– Это она, – прошептал Паша.

– Ого... – почесал подбородок детектив, – с такой лучше в прямой бой не вступать.

Дальше он начал доклад о ходе расследования:

– В общем, Яндекс и Google про неё ничего не знают. Я просмотрел её досье в полиции. Никаких приводов не было, так что тут всё чисто. Думаю, самое время порыться в грязном белье.

В голове у Паши никак не вязались такие понятия, как грязное белье и Набекрень, но детектив на то и детектив, чтобы искать то, чего не видит простой обыватель.

С улицы стали доноситься мощные удары. Такие, что желудки у обоих мужчин подпрыгивали.

– У вас там сваи, что ли, забивают? – поинтересовался Кац.

Паша выглянул в окно.

– Это Набекрень столбы под беседку заколачивает. У нас сегодня шашлыки, лучше бы тебе поторопиться.

Кац вскрыл чемодан не без труда. Паша тем временем стоял на шухере.

– Ну что там? Нашёл что-нибудь? – спрашивал он каждые десять минут, вытирая потный лоб занавеской.

– В процессе, – слышалось откуда-то издалека, словно из-под земли.

Щёлкнул замок, из прихожей донеслись голоса Кати и Платона.

– Мы дома!

«Чёрт-чёрт-чёрт! Что же делать?!» – лихорадочно думал Паша.

Он оторвался от окна, за которым Набекрень уже сварила мангал, и бросился предупредить Каца о сворачивании операции.

– Паш, ты же говорил, что травмировался, – растерянно спросила Катя мужа, который передвигался по дому бегом.

– Дык это... алтайский бальзам Ольги Прокофьевны помог, – нервно улыбался мужчина.

– Интересно, а в бак его можно заливать? – задумчиво произнесла Катя.

В этот момент открылась дверь – в дом вошла Набекрень. У неё на голове сидела приподнятая сварочная маска.

– Ой, а я не знала, что все уже дома. Я почти закончила, осталось только... – она вдруг замолчала и начала принюхиваться.

Ноздри Ольги Прокофьевны, казалось, могли засосать целый район.

– Вы чувствуете? – спросила Набекрень.

– Нет, – удивленно ответили в один голос хозяева.

– Крысами пахнет, – задумчиво ответила домработница. –

Ещё утром не пахло.

Паша проглотил комок в горле. Он ждал неминуемого

разоблачения. Всё семейство, включая Набекрень, прошло в гостиную, но Каца там не оказалось. Лишь пара его ботинок стояла возле чемодана. Паша незаметно затолкал их под диван.

– Здесь ещё сильнее пахнет, – Прокофьевна точно пёсницей обнюхивала каждый угол и уже хотела залезть под диван, но тут, на радость Паше, раздался звонок в дверь.

Набекрень прекратила поиски забредшего в дом незваного «грызуна» и поспешила открыть дверь. Катя последовала за ней.

Паша тем временем спросил у тишины:

– Эй, Кац, ты где?

– Я тут, – послышалось из чемодана.

– Как ты туда забрался?

– Шутишь? Да тут можно слона разместить.

– Тебе нужно выбирать и валить.

– Сейчас, погоди, я тут консервированные персики нашёл, – чавкал Кац, – не оторваться.

– Вот, познакомьтесь, этой мой муж Павел, – послышался голос Кати, и Паша тотчас обернулся.

Перед ним стоял крупный мужчина в дорогом костюме, от которого несло деньгами и властью.

– Артур, – представился мужчина и пожал потную ладонь Павла. – А это, – мужчина подозвал молодую особу, – моя жена, Ксения.

У Паши намечался сердечный приступ. Перед ним стояла

та самая девица, которая вчера разговаривала с его спиной. Сзади улыбалась Катя, а дальше и выше всех стояла Ольга Прокофьевна. Её суровый взгляд, казалось, мог открыть врата в преисподнюю.

* * *

Павел переводил взгляд с Ксении на Ольгу Прокофьевну, затем на Артура, а потом заходил на следующий круг – и так в течение нескольких минут. Знакомство затянулось. Мужчина забыл родной язык, зато вспомнил, где лежит его загранпаспорт.

– Кхм, – прервал тишину Артур.

– Простите, – залепетала Катя, – Паша сегодня с утра немного ушибся, упал с лестницы.

– Бывает, – Артур напыщенно повёл плечами. – Я как-то упал во время восхождения на Эверест. Мы на вершине договор подписывали с инвестором. Поскользнулся и летел метров пятьдесят, хорошо, в руке был карандаш – им и зацепился. Так что понимаю. А что там с шашлыком?

– Всё чудесно! – затараторила Катя. – Мраморная говядина, фермерская свинина, халяльная курица – что предпочитаете?

– Я буду говядину, маринованную в красном вине, – заявил Артур, – а Ксюшенька ест только грудку индейки, привезённую контрабандой специально из Франции, мы принес-

ли её с собой.

– Ой как здорово! – радовалась каждому слову Катя. – Давайте же выпьем за знакомство. Проходите в гостиную, располагайтесь на диване. Ольга Прокофьевна, не могли бы вы замариновать мясо?

– Индейку в соке маракуйи, пожалуйста, – добавила Ксюша.

– Мне почему-то кажется, что маринование грудок – это по части Павла. Особенно не местных, – ответила Прокофьевна, косясь в сторону бледного хозяина дома.

– Можно вас обоих на кухню? – напряжённо улыбаясь, позвала Катя домочадцев.

Платон тем временем поднялся к себе и провёл в комнате весь вечер за чтением новых книг из списка Ольги Прокофьевны.

На кухне Катя долго и упорно объясняла, как важен для её компании этот клиент: рисовала графики, сыпала угрозами, просила угождать любым капризам гостя.

– Не переживайте, Катенька, мы поняли, – ответила Набекрень за всех.

Паша лишь пыхтел без слов. Мужчина выглядел так грустно, что на его скисшем лице можно было сварганить килограмм блинов.

Катя кивнула, а потом, взяв бокалы и ухватив под руку потерявшего дар речи мужа, поспешила в гостиную.

Набекрень нарезала мясо и разложила по кастрюлям. Из

красного вина у неё под рукой был только яблочный уксус, из сока маракуйи – тоже он. Уксусом она залила говядину и индейку, предварительно посолив и поперчив.

– Ну как вам? Удобно? – спросила Катя у гостей.

– Да, спасибо. Единственное, мы, кажется, слышали, как ваш чемодан ругался матом и дважды ответил на телефонный звонок, – подала голос Ксюша, вальяжно развалившаяся на диване.

– Не может быть! – прорезался наконец голос у Павла, и в этот самый момент чемодан чихнул.

– Будьте здоровы, – послышалось из кухни.

– Это у нас грызуны завелись, – поспешил с объяснениями Паша, разливая виски по бокалам, столу, брюкам Артура...

– Где грызуны? – Набекрень молниеносно переместилась из кухни в гостиную.

Все, кроме Паши, указали на чемодан.

– Однажды в Штатах я голыми руками убил крысу размером с кошку, – разглагольствовал Артур, оттирая с брюк дорогой напиток.

– Ну вы же мужчина, вам положено быть сильным и отчаянным.

Сказав это, Ольга Прокофьевна подмигнула Кате (мол, я делаю как вы просили – хвалю гостя). Похвала подействовала – Артур расплылся в самодовольной улыбке. После этого Ольга Прокофьевна добавила:

– Мы, женщины, не можем голыми руками.

Взяв в руки лом, который оказался здесь как нельзя кстати, она саданула по чемодану так, что у самолётов в небе сбились радары. Бедный Кац не смог издать ни звука.

– Паш, может ты пока займёшься розжигом мангала? – спросила Катя, глядя на мертвенно-бледного мужа.

– Я помогу! – изъявил желание гость. – У меня как раз есть с собой испанский порох! Прикупил в Барселоне во время последней командировки – лучше любого отечественного розжига!

Мужчины ушли добывать огонь, а женщины остались создавать уют в доме своими красивыми лицами и нарядами. Через полчаса Набекрень вышла из кухни с двумя кастрюльками мяса и предложила девушкам выйти на природу – насладиться теплом костра и запахом жареного мяса.

Посреди двора стоял мангал, обсыпанный со всех сторон щепками, испанским порохом и обставленный десятком бутылков из-под розжига.

Двое состоятельных самцов (настоящих мужчин) добывали пламя, раздувая один, едва схватившийся, уголёк. Паша рвал щёки скопившимся в них воздухом, а Артур потел, размахивая специальным веером.

– Почти готово, – проигрывая подступающему обмороку, заявил хозяин дома.

Проходящая мимо них Набекрень чихнула на мангал, и тот буквально взорвался. Поднявшееся в воздух пламя опалило ночное небо и брови бизнесменов.

– А мы тут не замёрзнем? – надула свои накачанные губки Ксюша.

– Дорогая, да разве это холод? Помнишь, в том месяце я улетал на переговоры в Канаду? Вот там мороз был, – стуча зубами, пафосно разглагольствовал Артур.

– Паш, принеси пледы, – попросила Катя, и мужчина с радостью сорвался с места.

Зайдя в дом и включив свет, Паша обнаружил лежащего на полу кверху пузом Каца. Мужчина не подавал признаков жизни и уже синел. Его лицо и одежда были залиты красным. От вида крови Паше стало дурно. Переборов тошноту, он тотчас бросился оказывать первую помощь. На его совести мог оказаться результат страшного недоразумения, и он усердно начал делать массаж сердца и искусственное дыхание «рот в рот».

На вкус кровь Каца напоминала лечо. Когда Паша делал очередное нажатие на грудь, Кац закашлялся и из его горла вылетел целый болгарский перец. Мужчина тяжело задыхался. Потом расстегнул ремень на штанах и начал дышать чуточку легче.

– Фух, ну я чуть не умер, – заявил детектив. – Похоже, лёгкая контузия, – тряс он головой, – и небольшое обжорство. Помню только, как открыл банку с разносолами...

– Ты должен был искать улики! Запрещённые законом вещи! – кричал Паша.

– И нашёл!

– Правда?! – настроение Павла стремительно улучшилось.

– Да. Там был контрафакт. Много контрафакта.

– Так-так, – потирал руки Паша.

– Итальянский пармезан, французская фасоль, разные колбасы... Сплошные санкционные товары.

– Чёрт, да это же всё не то...

– Возможно, но я всё равно старался уничтожить нелегальные продукты. Правда, в одно лицо сделать это крайне сложно. Зато я теперь точно могу сказать, что знаю куда нужно бежать, чтобы переждать ледниковый период.

– Есть ещё один чемодан, – вспомнил Паша и посмотрел в сторону комнаты Набекрень.

– Мне нужно немного отдохнуть, что-то в ушах звенит, – сказал Кац, еле перекатываясь с боку на бок.

– Главное, не попадайся никому на глаза. – С этими словами Паша ушёл, прихватив с собой пледы.

Вернулся мужчина как раз к столу. Ольга Прокофьевна кое-как отогнала от мангала Артура, который только и делал, что хвастался, как в прошлом году жарил мясо над жерлом вулкана в Исландии при заключении сделки с европейскими коллегами, и быстренько привела в порядок обречённое мясо.

– Прекрасно! – восхищался шашлыком Артур. – Что за вино использовали в маринаде? Испания? Юг Франции? Какой сорт? Совиньон? Пино-нуар? Гарнача?

– Антоновка, Костромская область, – пожала плечами Набекрень.

– А мне кажется немного суховатым, – фыркнула Ксюша. – Должно быть, маракуйя была несвежая, – она посмотрела на Набекрень с презрением, которое разбилось о каменное выражение лица домработницы. – Можно я схожу в дом и выпью воды?

– Да, конечно, – улыбнулась Катя. – Мы как раз обсудим дела с вашим супругом.

– Вы меня не проводите? – спросила девушка у Паши.

В ответ мужчина подавился куском говядины. Набекрень уже замахнулась для удара, чтобы спасти его, но тот был готов переварить мясо лёгкими, лишь бы избежать этого «спасения», и тут же перестал кашлять. Вместе с гостьей он прошёл к дому, где та сразу начала предъявлять обвинения:

– Ты не говорил, что женат!

– Знаешь, ты, вообще-то, тоже не обмолвилась о муже!

– Да разве это муж? Я его вижу раз в полгода. Он постоянно в этих своих командировках. Потому я тебе и написала тогда... Мне не хватает наших встреч... Он снова уезжает на следующей неделе, – она потянулась к Паше, чтобы обнять.

– Знаешь, мне кажется, нам стоит сделать паузу или вообще прекратить. – Павел отстранился.

Всё это время он выглядывал в окно, контролируя местонахождение Набекрень и периодически оборачиваясь от страха, что та снова возникнет за его спиной.

– Но почему? Боишься, что нас застукает твоя жена?

– Нет. Боюсь, что нас застукает моя домработница.

– Ерунда какая-то. Почему бы тебе её просто не уволить?

– Проще уволить президента...

– Хочешь, помогу тебе с этим вопросом? – девушка как-

то недобро улыбнулась. В её глазах вспыхнул дикий огонёк, от которого у Паши завибрировало в животе.

– Но как?

– Мой дядя нам поможет. Он делает так, что люди исчезают.

– В каком смысле «исчезают»?

– В прямом, – совсем по-волчьи оскалилась девушка.

– Не знаю. Я... я не готов к такому. Это перебор.

– Подумай хорошенько. Он всегда помогает мне, если кто-то вдруг решит меня обидеть. – Девушка подмигнула Паше, и тот почувствовал, как сердце у него защемило.

Она обняла его за плечи и поцеловала. Паша больше не сопротивлялся. Он понял намёк.

– Не переживай, я всё устрою, – сказала напоследок Ксюша.

Через пять минут они вернулись назад в беседку, даже не подозревая, что всё это время за ними следили. Кац, конечно, получил лёгкую контузию, но навыки свои не растерял, а лишняя информация никогда не навредит. Детектив записал весь разговор на телефон.

Никто, кроме Ольги Прокофьевны, не заметил серьёзных

перемен. Катя и Артур обсуждали поставки, Ксюша уткнулась в телефон, а Паша сидел в сторонке, словно студент, получивший повестку в армию. Он выглядел совершенно потерянным.

– Мне нужно проверить мышеловку, – встала из-за стола Набекрень.

– А вы поставили мышеловку? – удивилась Катя.

– Да. Думаю, что грызун уже попался.

Ольга Прокофьевна покинула беседку и вернулась в дом, где её уже ждал обездвиженный Кац. Как и предполагала Набекрень, «крысёныш» попытался вспороть меха аккордеона, которые она накачала до восьми атмосфер одними лишь легкими. Детектив был разбужен легким щелбаном, от которого у него пропало из головы два года воспоминаний.

– Давай, рассказывай, что тут произошло. – Набекрень уселась перед ним на стул, скрестив руки на груди.

– К-к-к-ак вы узнали? – удивился Кац.

– Я тридцать лет была замужем за полковником разведки. Таких любителей я щелкаю как семечки.

– Я ничего вам не скажу! – брызгал слюной Кац.

– Скажешь как миленький, если хочешь получить противоядие.

– Какое ещё противоядие? – вылупил глаза детектив.

– Обычное. Думаешь, можно залезть в мой чемодан и жрать там без последствий? Каждая третья банка и палка колбасы отравлены. Только я знаю, что можно брать, а что –

нет. У тебя в запасе есть пара часов.

Кац не был скручен и мог уйти в любой момент. Набекрень не запирала выход, она была холодна и спокойна. Детектив тяжело вздохнул пару раз – то ли от страха, то ли от переполненного желудка, затем достал телефон и показал запись.

* * *

Следующие два часа жизни Каца прошли как экзамен на кулинарный краповый берет. Под чутким руководством Набекрень, подгоняемый ощущением скорой кончины, детектив носился по кухне как угорелый: нарезал перец, натирал морковь, прокручивал помидоры, варил свеклу и отмывал опустошенную им тару.

Ольга Прокофьевна поставила перед ним задачу: закрыть сорок банок с разной консервацией. Или пройти сорок кругов ада, как писал потом в своих мемуарах Кац. Женщина опасно хмурила брови и обвиняла детектива в геометрическом кретинизме, называя его кубики из цуккини параллелепипедами.

Когда время начало поджимать, Кац почувствовал, как смерть сжимает свои холодные пальцы на его кишечнике. Обессиленный, он упал на колени, прося пощады, но Набекрень была непреклонна. Она требовала, чтобы баклажаны были обязательно с чесноком, и Кац рванулся в последний

бой.

– Молодец, Крысёныш, – хвалила Прокофьевна детектива. – На вот противоядие, заслужил, – бросила она ему упаковку.

– Что это? – смотрел бешеными глазами Кац, вертя в руках таблетки. – Уголь?

– Да. Помочь активировать? – сурово зыркнула Набекрень на детектива.

– Но... но вы же сказали, что некоторые банки отравлены.

– Вздуты, – кивнула Набекрень.

– А колбаса?

– Просрочена.

– Так я не умираю?

– Еще раз на глаза попадётся – и вполне можешь.

Из дома заказчика опозоренный детектив ушёл сразу на пенсию и посвятил остаток жизни садоводству и кулинарии. Теперь он вёл слезку только за помидорами и цветной капустой.

* * *

Когда Набекрень вернулась в беседку, гости уже собирались домой.

– Заверните нам мясо с собой, – словно в ресторане командовал Артур домработнице.

Ольга Прокофьевна упаковала мясо в контейнер, а затем

зачерпнула голой рукой в мангале красных углей и, завернув их в фольгу, протянула ошарашенному гостю, сказав:

– Вот, чтобы дома подогреть.

Катя легла спать довольной. А вот Паша снова не мог сомкнуть глаз. Всю ночь ему мерещился дядя Ксюши. Он никогда его раньше не видел, поэтому торшер в углу вполне мог сойти за киллера. Он хотел лишь уволить назойливую домработницу, а не отправить на тот свет. Вдобавок и сам Павел теперь был под прицелом. Приступы страха сменились приступами совести, которые в итоге привели его в комнату Ольги Прокофьевны. Сдуваемый, словно хиленький парусник, мощным сонным дыханием Набекрень, Паша полчаса добирался до неё, чтобы разбудить.

Он толкал женщину и громко звал её, почти полностью засунув лицо ей в ухо. Он тыкал в неё иголки и поджигал пятки, а Набекрень отмахивалась от него, словно от назойливой мухи, иногда попадая в цель. От этих ударов под утро Паша выглядел так, словно попал под асфальтоукладчик.

Набекрень встала внезапно, когда на кухне еле слышно щёлкнула духовка, оповещающая о готовности жаркого, которое она поставила на ночь. Обрадовавшись, Паша решил играть в открытую и рассказать обо всём, что происходит. Прокофьевна внимательно слушала и не перебивала, продолжая заниматься по дому. Она вынула жаркое и отмыла духовку, затем взялась за раковину, потом перешла в ванную комнату. Паша ходил за ней по пятам, словно собачонка, и продолжал

свой ночной монолог раскаянья. Мужчину буквально про-рвало. Он не упустил ничего: рассказал об изменах, о детек-тиве, о том, что Ксюша собралась нанять своего дядю. Паша точно описывал каждую деталь и говорил, что сожалеет.

Набекрень очищала водосток, а Паша – душу. Наконец, исповедовавшись, он облегчённо выдохнул и спросил:

– Ну что? Вы мне поможете?

Наберкень, которая в этот момент протирала пыль на лам-почках, в ответ лишь всхрипнула. Паша подумал, что это она так выражает свои эмоции, но Набекрень всхрипнула сно-ва, и тогда Паша осветил фонариком ей в лицо – Проко-фьевна определенно спала. Закончив с лампочками, женщи-на смазала дверные петли и замок. И всё это – с закрытыми глазами. Паша никогда не слышал о лунатиках, которые во сне занимаются готовкой, уборкой и мелким ремонтом. Этот случай показался ему уникальным, и он хотел заснять всё на камеру, но Набекрень уже возвращалась в свою комна-ту, предварительного поставив на самый маленький огонь во-ду для яиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.